БИБЛИОТЕКА КРАСНОАРМЕЙЦА

ДВ92
О
И-853

КОМИССАР ИВАН ПОЖАРСКИЙ

ВОЕНИЗДАТ · 1939

ЭР03447

228026

ДВГНБ

ЭР03447

9Б925+ДВП
И853

БИБЛИОТЕКА КРАСНОАРМЕЙЦА

★

Э. ИСАКОВ

КОМИССАР ИВАН ПОЖАРСКИЙ

ДВГНБ

ДВ КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Государственное Военное Издательство
Наркомата Обороны Союза ССР
Москва—1939

ДВ государственная научная библиотека

ЭР03447

Э. Исаков «Комиссар Иван Пожарский»

В брошюре рассказывается о жизни, деятельности и славной смерти комиссара Ивана Алексеевича Пожарского, Герое Советского Союза, участника боев в районе озера Хасан.

ДВГНБ

Проверено
1940 г.

ЭР03447

Композиция худ. Лаврова.

ЭР03447

ДВГНБ

ЭР03447

ОДИН ИЗ ДВАДЦАТИ ШЕСТИ

Из камышей шумно вылетел фазан. Где-то хрустнула ветка, и опять все стихло. С озера потянуло сыростью.

Обычная ночь на границе. Зорок глаз часового, напряженно всматривающегося в «чужую» землю, вслушивающегося в звуки, рождающиеся по ту сторону границы советской земли: ведь всего можно ожидать от «неспокойного и, нечего греха таить, неумного соседа».

Вот где-то залаяла собака и смолкла. Глухо захрипел паровоз, лязгнули буфера вагонов, послышались приглушенные голоса...

Всю ночь японцы что-то подвозят к границе, выгружают...

А на советской пограничной заставе течет обычная жизнь. Утром повар заложил в котел мясо и с беспокойством пробует суп: не пересолил ли?

Лейтенант Христолюбов провел с бойцами очередное занятие по стрельбе. Выполнившие упражнение на «хорошо» тут же обещают в следующий раз стрелять на «отлично» и подкрепляют это социалистическими обязательствами.

Пограничник Поздеев вместе с другими чистит винтовку. Подняв к солнцу приклад, он «на просвет» осматривает блестящий ствол, вставляет затвор, снимает

ЭР03447

с протирки абсолютно чистую тряпку и аккуратно завинчивает крышку масленки. Поздеев не знал, что ему вновь отвинчивать ее уже никогда не придется...

29 июля 1938 года на высоте Безымянной одиноко прозвучал выстрел. Затем другой, третий. Где-то раздалась нервная дробь пулемета. Японцы перешли советскую границу.

Красноармеец Поздеев и его товарищи Кувшинов и Кособоков, находившиеся в этот день в дозоре, первыми заметили японских солдат, которые ползли по земле, словно ящерицы.

Бой был неравным. Против одиннадцати советских пограничников выступила целая рота японцев. И все же маленькая горсточка пограничников наголову разбила ее.

В этом первом бою у озера Хасан пали смертью храбрых лейтенант Махалин и красноармейцы Поздеев, Емцев, Шмелев, Савиных...

Японцы бросали в бой все новые и новые части. Захваченные ими высоты Безымянная и Заозерная были сильно укреплены, японцы считали их неприступными. Но могучая, непобедимая Красная Армия нанесла наглым японским захватчикам такой сокрушительный удар, что они вынуждены были очистить нашу территорию и спешно просить советское правительство о заключении с ними мирного соглашения.

«Нам теперь точно известно, что вопрос о захвате горы Заозерной (Чанкуфын) и, значит, весь вопрос о событиях в районе озера Хасан решался, собственно, не в Токио, а в другом месте — где-то в Европе, а скорее всего в Берлине. Японская военщина должно быть хотела поддержать своих фашистских друзей в Германии, и, не раскинув умом, попалась на удочку каких-то своих мелких агентов» (Молотов).

Провокация не удалась. Лишний раз японские фашисты были биты. Красная Армия разгромила зарвавшихся захватчиков наголову.

ЭР03447

«Японское нападение в Советском Приморье дало нам повод продемонстрировать не только японским империалистам, но и всему миру, что Советский Союз до конца верен своим заявлениям, своей внешней политике и что с ним опасно шутить... Непреклонная верность СССР своей мирной внешней политике и готовность до конца отстоять советские границы от всяких нападений, — вот итог событий у Хасана, имеющий большое международное значение» (Молотов).

* * *

Обычно спокойные, воды озера Хасан простираются у самой советской границы километра на четыре. Как бы прямо из воды вырастают сопки и возвышенности, покрытые низкорослым дубняком.

Это богатый, плодородный, привольный край. Хорошо растет рис. Много рыбы, дичи. Вспугнешь — и целая стая птиц поднимается в небо. Хорошо жить в Посьетском районе. Хорошо и зажиточно живут колхозники Янчихэ и Фаташи, дома которых расположены вблизи Хасан.

Тихо сейчас у озера. Стелится туман от воды, играет рыба, медленно плывут стаи уток. А когда ветер разгоняет туман, далеко виден алый стяг, гордо развевающийся над сопкой Заозерной, напоминая о недавних жарких боях, о героических подвигах погибших здесь товарищей, последними словами которых были слова о самом дорогом и родном человеке — о Сталине...

За образцовое выполнение боевых заданий и геройство, проявленное при обороне района озера Хасан, Президиум Верховного Совета Союза ССР наградил орденами и медалями несколько тысяч бойцов, командиров, политработников и присвоил звание Героя Советского Союза со вручением ордена Ленина двадцати шести храбрейшим из храбрых защитников родины.

ЭР03447

Среди последних значится и героический военком **старший политрук Пожарский Иван Алексеевич.**

...В ноябре 1919 года, разрабатывая инструкцию для комиссаров Южного фронта, товарищ Сталин писал:

«Когда весь полк или значительная его часть ведет боевые операции, комиссар полка, не теряя связи со штабом, обязан следить за ходом военных действий, в особенности наблюдая за работой связи. В особо опасных местах и в наиболее серьезные моменты боя комиссар полка обязан своим присутствием и примером личного мужества поддерживать боевое настроение частей и содействовать точному и правильному выполнению приказов, когда нужно,— увлекая часть в атаку».

Иван Пожарский в точности выполнял сталинский наказ комиссарам. Трижды раненый, он увлекал свою часть в атаку на штурм японских укреплений, — оставалось выбить врага с последних позиций на Пулеметной...

Молодой комиссар награжден высоким званием, но не вручит ему в Кремле Михаил Иванович Калинин присвоенного ордена, не пожмет его храбрую руку...

Комиссар Иван Пожарский отмечен высшим званием— Героя Советского Союза — посмертно. Пуля сразила его в тот момент, когда он с гранатой в руке во главе части бесстрашно ринулся вперед на бешено сопротивлявшегося врага.

ВСТУПЛЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Иван Пожарский родился в городе Ардатове в 1905 году.

Изба, в которой жила не выходившая из нужды семья Пожарских, черная от старости, с клочьями мха на прогнившей крыше, безрадостно глядела на мир своими косыми крохотными оконцами, сквозь которые Ваня видел маленький, скучный городок. Фабрик в Ардатове не было. Люди занимались выделкой кож, шитьем сапог и рукавиц

ЭР03447

РВГБ

Будущий комиссар присматривался к жизни. Он видел, что, в то время как нужда давит одних, наживаются и живут припеваючи другие.

Отец Вани, как и большинство взрослого населения городка, уходил на отхожий промысел на Волгу — в Сызрань, Симбирск (ныне Ульяновск) и другие места.

Ваня был еще мал, чтобы помогать отцу. Захватив кусок хлеба, он часто убегал на реку Алатырь, просиживая там целыми днями, прислушиваясь к пению птиц, журчанию воды.

Но эти радостные дни быстро протекли. Отец зарабатывал все меньше и меньше. Семья голодала.

Десятилетним мальчиком, из которого суровая жизнь словно вытравила все детское, удрученный тем, что пришлось бросить школу после первых же двух лет обучения, пошел Иван на заработки. Он стал землекопом на строительстве городских бараков и два года вместе со взрослыми рыл землю.

От тяжелой, непосильной работы болела детская спина, ныли неокрепшие руки. Здесь от взрослых услышал Ваня о русско-германской войне, о бессмысленных ее жертвах. Видел он, как все хуже и хуже становилось жить всем, кроме подрядчика да ардатовских купцов.

Докатившаяся до городка Февральская революция ничего не изменила в жизни Пожарских. Целый год Иван работал с отцом на лесозаготовках, принося по 60—80 копеек в день.

Густой, дремучий лес с его вековой тишиной поразил воображение двенадцатилетнего мальчугана.

— Буду лесником, — говорил он отцу в редкие минуты отдыха.

Он и не представлял, что его жизнь сложится по-иному. Не вышел из Ивана лесник, но жизнь в лесу научила его быстро ориентироваться, находить еле приметные тропинки, узнавать время по солнцу, определять

ЭР03447

погоду по приметам, — все это очень пригодилось ему в дальнейшем при охране советских границ...

Вернувшись с лесозаготовок, Иван поступил курьером в редакцию местной газеты, а оттуда попал в одну из сапожных мастерских, которыми издавна славился Ардатов.

Ивану Пожарскому исполнилось пятнадцать лет. Он был не по-мальчишески взрослым, требовательным не только к себе, но и к другим. Так, незаметно на смену детству пришла юность — замечательная пора человеческой жизни.

Весна жизни Ивана Пожарского, рабочего-подростка, совпадает с самой трудной порой для страны: фронты, голод, республика Советов отбивается от наседающего со всех сторон врага.

«Тяжело было в этот период в Советской России. Нехватало хлеба. Нехватало мяса. Голод терзал рабочих. Рабочим Москвы и Петрограда выдавалось по осьмушке хлеба на два дня. Бывали дни, когда вовсе не выдавали хлеба. Заводы не работали, или почти не работали: нехватало сырья, топлива. Но рабочий класс не унывал. Не унывала партия большевиков. Неимоверные трудности этого периода и отчаянная борьба с ними показали, какая неисчерпаемая энергия таится в рабочем классе и до чего велика, неизмерима сила авторитета большевистской партии». («Краткий курс истории ВКП(б)».)

Гражданская война превратила страну в военный лагерь. И будущий комиссар с увлечением тачает сапоги для бойцов героической Красной Армии. Разве это не почетная задача? Пожарский становится самым активным рабочим мастерской,—он понимает, для кого шьются сапоги.

Шестнадцати лет Иван Пожарский вступает в комсомол. Он интересуется политическими вопросами, много читает, весь свой молодой пыл отдает учебе, комсо-

ЭР03447

мольской работе, мастерской. В 1922 году комитет комсомола мобилизует Пожарского на продовольственный фронт. Семнадцатилетний мастер-кожевник становится бойцом продотряда. Нынешняя молодежь имеет слабое представление о подлинной обстановке того времени. Продовольственная армия в те трудные годы изымала у кулаков хлеб для Красной Армии, рабочих и деревенской бедноты. В продотряды посылались самые честные, дисциплинированные и проверенные люди.

Владимир Ильич Ленин в своей телеграмме об организации продовольственных отрядов указывал, что выбор работников в продовольственную армию должен производиться с тем расчетом, чтобы ни одного пятнышка не оказалось потом на имени тех, кто пойдет в деревню бороться с кучкой хищников-кулаков во имя спасения многомиллионных трудящихся масс от голода.

Одним из таких людей «без пятнышка» и был молодой кожевник Иван Пожарский. Целый год работает он в Ардатовском уезде на хлебном фронте. И, может быть, отсюда начинается кристаллизация Пожарского-большевика, того Пожарского, которого знает сейчас вся Красная Армия, вся страна.

Работа в продотряде многому научила Пожарского. Осматривая сараи, разгребая ямы, в которых кулаки гноили хлеб, он познавал врага, познавал его хитрость, звериную злобу, увертки. В этой работе юноша впервые лицом к лицу столкнулся со смертью, подстерегавшей его чуть ли не в каждом кулацком дворе,— он не раз видел направленные на него из-за угла кулацкие обрезы.

Жизнь восстанавливалась. Продотряды были расформированы. Пожарского перебрасывают на новый фронт: он становится секретарем комсомольской ячейки профтехшколы.

В 1925 году Иван Пожарский оформляет свою неразрывную связь с партией Ленина — Сталина. Его принимают в кандидаты, а затем в члены ВКП(б). Пожар-

ЭР03447

ского любят, ему доверяют. Он — секретарь волостного комитета комсомола, член волостного комитета ВКП(б), член уездного комитета комсомола, председатель ревизионной комиссии, член горсовета...

И, наконец, еще одна знаменательная дата в жизни молодого Пожарского, навсегда определившая его дальнейшую судьбу.

Поеживаясь, больше от непривычного положения, чем от холода, нарочито играя мускулами, Пожарский стоит перед врачом.

— Так, хорошо. Повернитесь! Не дышите! Кашляните! — просит врач.

С детской покорностью Пожарский выполняет все необходимые процедуры. И, наконец, долгожданное:

— Ну, молодой человек, поздравляю. Годен хоть куда.

— А куда вы хотите, Пожарский? — спрашивает его председатель призывной комиссии.

— Я, — Пожарский на секунду задумывается и затем, взглянув на портрет улыбающегося Сталина, высказывает свою давнишнюю мечту,— конечно, в авиацию... А впрочем, — куда найдете нужным.

В этом был весь Пожарский.

Его зачислили курсантом полковой школы Пензенского полка Казанской стрелковой дивизии.

Начался новый этап в жизни большевика.

Это было 1 ноября 1928 года.

КОМИССАР ЗА РАБОТОЙ

Бывает иногда так, что ссора, начавшаяся из-за пустяка, обрастает неизвестно откуда взявшимися подозрениями, тяжелыми обвинениями. И кажется, ничто не может восстановить мир. Отношения заходят в тупик.

В данном случае причиной разлада в семье командира Ш. было нивесть когда полученное письмо от одной ста-

ЭР03447

рой знакомой. У Ш. было трое детей. Раньше это была крепкая, хорошая семья. Теперь встал вопрос о разводе.

Какое дело до всего этого молодому комиссару? Однако Пожарский внимательно присматривается к Ш. и его жене.

— Ведь, кроме всего прочего, такие отношения — прямой урон боевой подготовке, — полушутя, полусерьезно говорит он.

Наконец, Пожарский вызывает к себе в кабинет Ш. и просит туда же зайти его жену. Немного смущаясь, он пытается помочь мужу и жене разобраться в сложившихся между ними отношениях.

О чем говорили они весь вечер, запершись в кабинете, неизвестно. Известно только, что с тех пор семья Ш. живет дружно.

Пожарский обладал замечательным свойством располагать к себе людей. Тонко, с присущим ему юмором, не обижая, он находил пути к человеческим сердцам.

Уже немолодой, несколько обрюзгший, с землистым цветом лица и преждевременными морщинами, делопроизводитель К. явно был недоволен своей судьбой.

— Работаешь, работаешь, а дальше «делопута» не двигаешься.

Работал же последнее время К. плохо. Стоял вопрос об увольнении его из армии.

Узнав об этом, молодой комиссар познакомился с делопроизводителем, пригляделся к нему, разговорился.

— Что-то вы сегодня особенно мрачны!

— Такая работа, товарищ комиссар. Смеяться не с чего. Всю жизнь на «исходящие» ухлопал.

— Пьете, говорят, — вдруг в упор спрашивает комиссар, и не поймешь — шутит он или говорит серьезно.

К. смутился. Попробовал отделаться шуточкой, старинным анекдотом.

— Перед обедом рюмочку выпиваю, ну, а как выпью,

ЭР03447

становлюсь другим человеком, а вот «другой человек», тот действительно выпить любит...

Пожарский нахмурился, углы его губ слегка приподнялись.

— Значит «другой человек» пьет, а вы что ж в это время закусываете, что ли? — спросил он и уже серьезно сказал:

— Давайте поговорим по душам, а говорить есть о чем.

В тот же день Пожарский заявил командиру части:

— Пропадет наш делопроизводитель. Так напутает, что и сам не разберется. Надо его...

— Уже решено, — перебил командир, — надо только рапорт об увольнении заготовить.

— ...Его надо продвинуть, а не увольнять. От скуки у него это. Засиделся человек, давно перерос свою работу. В общем так, — беру над ним шефство.

И через несколько дней К. был назначен помощником командира по хозчасти. Он сразу приободрился, перестал пить, и впоследствии стал образцовым командиром.

По-отечески заботясь о своих, советских, людях, исправляя их слабости, помогая им в несчастье, Пожарский был беспощаден к врагам.

У Комарова, с виду скромного, отменно прилежного красноармейца, часто хромали лошади, происходили аварии, поломки.

— Молод еще, не привык, — говорили о нем.

Пожарский стал приглядываться к Комарову. Не раз вызывал его на откровенные беседы. Не нравился комиссару Комаров. И его не обманула чутье, — очевидно сказалась работа в продотряде. Вскоре комиссар разоблачил Комарова. Он оказался сыном крупного кулака, сознательно вредившего в армии. Комаров был немедленно отдан под суд.

Так поступал комиссар с врагами...

Яковлев, придя в армию, был одним из недисциплини-

ЭР03447

рованных красноармейцев. Как садовник, выращивает Пожарский будущего большевика — героя Хасана.

Яковлев был моложе Пожарского,— он родился в 1914 году. Вскоре осиротел: отца, уральского рабочего, убили в русско-германскую войну, мать умерла от туберкулеза.

Начались скитания: детдома, побеги, случайная работа в деревнях у кулаков. Там — ничего своего, все чужое, и жизнь казалась чужой до тех пор, пока не призвали Яковлева в армию.

Он был зачислен в часть Пожарского.

Стрелял Яковлев плохо, коня своего недолюбливал, даже побаивался его, всякую неудачу воспринимал с болезненной чувствительностью.

— Эх, Яковлев, Яковлев!—хороший вы красноармеец, а конь у вас плохой. С таким конем стыдно в колхозе воду возить, а не то что врага бить, — часто повторял ему Пожарский.

— Да я что, я коню не мешаю, нрав у него угрюмый,— оправдывался Яковлев.

— А вы полюбите лошадь, она ж ваша, и лошадь вас полюбит. Это понимать надо.

Избегал Яковлев таких разговоров, но сам тщательнее чистил лошадь, норовил подбросить ей сена получше.

Пожарский словно не обращал внимания на нелюдимость молодого красноармейца. Наконец, «наладив его отношения с лошадью», как говорил он сам, Пожарский принялся обучать Яковлева стрельбе.

Он учил его на стрельбе неторопливо выравнивать мушку, спокойно подводить ее под мишень.

— Дело очень простое!— подбадривал он Яковлева,— главное не горячитесь: мишень — не враг, никуда не убежит, а в мишень не попадешь — и враг убежит.

Сам Пожарский отлично стрелял из всех видов оружия: винтовки, нагана, пулемета.

И Яковлев как-то, даже незаметно для себя, стал

ЭР03447

хорошо стрелять. Но Пожарский не «отставал» от молодого бойца и поставил перед ним новую задачу — вступить в члены комсомола.

— По передовой молодежи равняйтесь, — говорил он.

А когда Яковлев стал комсомольцем, комиссар сказал:

— Ну, а теперь уж по тебе, брат, бойцы будут равняться.

Яковлев со всей полнотой оценил заботу комиссара, полюбил его, как отца. Впервые за свою сиротскую жизнь здесь, в армии, узнал он теплую отцовскую любовь.

Яковлев стал другим человеком. Вскоре его вызвали в штаб. Как и всегда, Яковлев вошел к комиссару, волнуясь: каждое такое посещение будило его мысль, давало новую зарядку.

— Ну, садись, Яковлев, побеседуем, — начал комиссар. — Партия доверила комсомолу такое дело, как политработу. Сейчас в армии идет выдвижение комсомольцев в заместители и помощники политруков. Я предлагаю тебе эту почетную работу.

Яковлев подал докладную записку о том, что остается на пожизненную службу в Красной Армии, и его направили заместителем политрука в одно из подразделений.

Так сложилась судьба бывшего беспризорника Яковлева благодаря комиссару Пожарскому.

И в дальнейшем Пожарский не оставляет молодого политрука, следит за его ростом, помогает в работе.

Встретясь как-то с ним на стрельбище, комиссар вспомнил «старину».

— Ну-ка, друг, давай стрельнем!

И, когда Яковлев выбил двадцать девять очков из тридцати возможных, комиссар воскликнул с истинным удовлетворением:

— Иначе политруки стрелять и не могут!

ЭР03447

Политрук Панкратов прибыл в часть Пожарского в 1936 году.

— Как сейчас помню, — рассказывает он об этом дне, — Пожарский встретил меня на улице, около казармы. Я доложил, что прибыл в его распоряжение. На политработу меня выдвинули из младших командиров всего месяца два-три назад. В подразделении, куда меня направили, работал мой бывший лейтенант. Пожарский сразу отметил это и говорит:

— Раньше лейтенант был над вами начальником, а теперь вы над ним, — вот как получается. Ну, да ничего, поговорю с ним, объясню все. Надо, чтобы у вас с ним сразу же все пошло гладко, без шероховатостей.

И комиссар стал помогать молодому политруку, чтобы сделать из его подразделения «настоящую боевую единицу». Политрук ждал всегда с нетерпением у себя комиссара.

Каждому политруку было приятно ходить к Пожарскому, который всегда внимательно выслушивал посетителей. Его указания были товарищескими, лишенными даже оттенка казенщины.

Комиссар воспитал немало молодых работников, показавших себя в дальнейшем героями. О всех просто немыслимо рассказать. К каждому из них у него был свой подход. И недаром бойцы шутливо говорили о Пожарском:

— У него от каждого сердца ключ хранится...

Поэтому и бежали они к комиссару со своими радостями и горестями. Пожарский не оставляет без внимания ни одной просьбы, ни одной жалобы. Он пишет письма в сельсоветы, в местные газеты, хлопочет, добивается. Попалось непонятное слово в газете — у кого спросить? У комиссара. Родился сын — как назвать? И опять за советом обращаются к комиссару.

Веселый, жизнерадостный, он был душою части.

27802б
РВГНБ
ЭР03447

Вот стоит группа бойцов.

— Ну как, мило́чки? — спрашивает их подошедший комиссар. Стройный, подтянутый, выбритый, в ярко начищенных сапогах, с первого взгляда он кажется строгим. Но вот он разговорился. Фуражка слегка полезла на затылок, и из-под нее высвободился густой черный чуб. Глаза задорно искрятся.

— Товарищ Сидорчук, — вдруг говорит комиссар, — нашли вы, наконец, свою пулю?

Бойцы с недоумением поглядывают на зардевшегося красноармейца.

— Как же, — объясняет комиссар, — на последней стрельбе четыре пули кое-как добрались до мишени, а пятой нет, пропала куда-то,— и, подождав пока утихнет смех, уже серьезно добавляет.— Надо со станка больше тренироваться. Меткость сразу не дается. Не пулю жалко, что пропала, а врага «жалко», что он ее не получит. Всем надо тренироваться.

Пожарский всегда был в курсе всех боевых и хозяйственных дел части. Он помогал командиру, заботился о чистоте в казармах, о том, чтобы повара готовили вкусный обед. Комиссара можно было встретить в самых неожиданных местах. В конюшне — он советуется с фельдшером, как скорее вылечить заболевшую лошадь, в манеже — он показывает красноармейцам, как лучше рубить лозу, в ленинском уголке — он следит, чтобы были выставлены книжные новинки, в ларьке — интересуется, есть ли ходовые сорта папирос, а вечером на бюро он указывает на недостатки и намечает пути к их устранению.

У ПОГРАНЗНАКА № 8

— А все-таки, товарищ командир, как хочешь — условия, условиями, а людям должна быть организована баня.

ЭР03447

— Но, пойми, где же ее здесь развертывать...

— Дело поправимое,— волнуется Пожарский,— и чтобы с душем. Обязательно, знаешь, душ с горячей и холодной водой...

Неожиданный телефонный звонок прервал разговор командира с комиссаром.

— Тревога, — говорит командир части, вешая трубку. — Сейчас же выступаем... Так, говоришь, с душем, — вдруг обрывает он свои мысли и ловким движением плеч поправляет ремень от пояса. — Оборудуем и с душем.

И оба — командир и комиссар — быстро выходят из штаба. А горнист уже играет боевую тревогу. Грызут удила сытые лошади. Ряд за рядом выстраиваются бойцы, на ходу оправляя гимнастерки, подгоняя ружейные ремни.

— По коням! — раздается привычная команда.

На рысях часть выносится навстречу врагу.

Утром 25 марта 1936 года семь вооруженных японцев перешли советскую границу, но были немедленно выбиты с нашей земли. В три часа дня вылазка врага повторилась. Почти шестьдесят японцев с ручными и станковыми пулеметами у пограничного знака № 8 углубились метров на двести пятьдесят на советскую территорию.

Уже в пути Пожарский объяснял:

— Учтите, проучить японских захватчиков, отогнать их поручено не кому-нибудь, а нашей части. Это понимать надо,— многозначительно подмигивает комиссар.

...Японцы встретили часть бешеным огнем.

Бойцы спешились, залегли.

— Ну, как настроение? — переползая от одного бойца к другому, спрашивает комиссар и получает один и тот же ответ.

— Ну раз хорошее — это хорошо.

Сам Пожарский скромно вспоминал об этом бое так:

— Настроение у бойцов замечательное. Смело двигаемся на захватчиков. Я как комиссар, разумеется, впереди... Продвигаемся. И тут я вдруг вижу одного бойца — хороший такой парень — бежит открыто, даже голову норовит повыше поднять. Я вспылил — первый раз за свою жизнь в армии, — кричу ему, а он мне в ответ: «Ничего, мол, товарищ комиссар, мы бронированные, нас пуля не возьмет!» — Или ложитесь немедленно, или я вас в тыл отправлю. В самом деле, какое безобразие, кому нужна такая храбрость? Это же верная дурацкая смерть, а мы должны действовать так, чтобы разить врага, а самим оставаться живыми.

Комиссар Пожарский руководил боем на правом фланге. Красные бойцы—молодые патриоты нашей родины — с честью выполняли поставленную задачу. Комиссар личным примером вдохновлял их.

— Не позволим этим «гостям» заночевать на нашей земле,— улыбался он.

Даже рана в живот не смутила комиссара. Быстро сделав перевязку, он продолжал увлекать бойцов вперед.

— Вот она, проверка боем, — думал комиссар.— Выдержали экзамен с честью.

С наступлением темноты враг в полном смятении убрался во-свояси, побросав на советской территории оружие, снаряжение, амуницию. Даже журнал с донесениями «забыли» японцы.

— Ну и организм у вас, Иван Алексеевич, — говорил Пожарскому врач на перевязочном пункте.— Только зачем вы оставались в бою, почему вам никто не помог добраться ко мне раньше?

— А никто и не видал... Проверку боем выдержали. Это, доктор, понимать надо.

2 апреля 1936 года Президиум ЦИК СССР за бдительность и отвагу, проявленные при охране наших даль-

ЦВГНБ

ЭР03447

невосточных границ, наградил Пожарского Ивана Алексеевича, комиссара части, орденом Красной Звезды.

Порядок на границе был восстановлен. Часть вернулась к своей обычной жизни. Так продолжалось до осени, когда вдруг стало известно, что Пожарского командируют в Москву, на курсы.

Заволновалась часть. С грустью сообщали эту новость друг другу и бойцы, и командиры, и политработники, и члены их семей.

Накануне отъезда в последний раз собрались боевые товарищи, получившие первое огневое крещение у погранзнака № 8, чтобы проводить своего любимого комиссара в Москву.

Пожарский задумчив. Он не скрывал, что ему жаль расставаться с товарищами, но в то же время его тянула к себе Москва.

— Подучиться требуется, — откровенно говорил он.— Я ведь по нашему времени человек малограмотный,— и, чтобы скрыть волнение, шутя, заканчивает,— встретимся еще... Даже обязательно встретимся!

* * *

... Колышатся вагоны дальневосточного экспресса, увозящего комиссара в Москву.

Легко думается под их мерный стук.

— Да, армия была моим университетом. Семь лет назад окончил полковую школу, был младшим командиром, помощником командира взвода, сейчас комиссар — еду в Москву учиться. Семь лет, а кажется, что было это совсем недавно...

* * *

... Светало. В предутреннем тумане вырисовывались еще неясные очертания Москвы, города, где живет и работает Сталин.

...Быстро пролетело время. Книги, музеи, театры, новые товарищи. Пожарский занимается с увлечением

ЭР03447

Прошлое точно освещается новым светом, растет любовь к настоящему, к прекрасной родине, к партии Ленина — Сталина, зорче становятся глаза.

И вот курсы окончены. Пожарский обращается к командованию с просьбой назначить его обратно в часть.

— У меня ведь есть уже опыт, я еще в 1936 году бил японцев, направьте на Дальний Восток, поближе к границе.

Просьбу Пожарского удовлетворили. Он выехал обратно в свою часть.

СРЕДИ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Сигнал.

— Подъем! Вставай! Приготовиться на зарядку,— раздается привычная команда дежурного.

Все вокруг оживает, слышны смех, голоса и топот бегущих, спешащих красноармейцев.

Начинался обычный трудовой день, полный новых впечатлений, радостей, красноармейских событий: внеочередная стрельба; в ротной стенгазете помещена смешная карикатура на «дергачей»; у командира 3-го отделения родилась дочь, а он хотел сына; говорят, вечером кино будет...

И вдруг все события отходят на второй план.

— Комиссар Пожарский приехал.

— Сегодня не 1 апреля.

— Дневальный сам видел.

— Ну, приедет он тебе сюда из Москвы! Ученый, небось, стал!..

— Да это не Пожарский, а инструктор политотдела, мне повар говорил, только похож очень на нашего.

— А кто это Пожарский, тот, что в Москве на площади с Мининым стоит?..

— Молод еще разговаривать. Может, Пожарскому одному памятник поставят...

ЭР03447

Неизвестно, долго ли продолжался этот спор, если бы в дверях не появился сам «виновник» переполоха — Пожарский, назначенный уже комиссаром всей части.

— Смирно! — Товарищ комиссар, рота пришла с зарядки и готовится к чаю.

— Здравствуйте, товарищи!

— Здра-а! — и неожиданное «ура», не предусмотренное уставом, приветствует комиссара.

— Ну, как вы тут воюете?

— Мы что́, расскажите, как там в Москве.

— Обязательно расскажу,— и, повернувшись к дежурному, привычно добавляет.— Стройте роту на чай. Опаздываете!

Вечером, когда прозвучал отбой, тесным кольцом окружили красноармейцы своего комиссара, рассказывающего им о Москве и, конечно, прежде всего о замечательном метро, изумительном канале Волга—Москва...

А поздно вечером, сидя в кругу друзей, Пожарский говорит:

— Очень много дала мне поездка в Москву. Очевидно, и тебе, Яковлев, придется туда поехать. Только не думайте, что учиться так просто. Я даже не предполагал... Приходилось до головной боли заниматься. Зато сейчас чувствую себя наголову выше. Теперь многое стало ясно. Враги народа, фашистские наймиты пробрались в армию, их агенты действовали рядом с нами. Бдительность, товарищи, нужна великая. Это понимать надо.

Сам Пожарский хорошо понимал «это». Он смело обрушивается на врагов родины, первым разоблачает вражеский, так называемый комплексный, метод обучения бойцов. Гневно и убедительно звучит его голос, когда он говорит о подлых делишках фашистских последышей. У Пожарского уже был опыт борьбы с врагами народа. В 1932 году его назначили политруком роты в город N.

Из города N окрепшая и вполне боеготовная часть была направлена на Дальний Восток. Все было хорошо.

ЭР03447

Командиры вросли в работу, учились, учили бойцов. Часть представляла собой крепкий, спаянный единой волей к победе коллектив.

Лишь командир части держал себя высокомерно, по-барски третировал самокритику, называя ее «гражданским пережитком в сознании».

«Что вы мне указываете? Извольте не рассуждать. Армия — это вам не производственное совещание»,— обрывал он обычно командиров и политруков, выступавших на партийных собраниях.

Однажды на одном из таких собраний, молча выслушав все выступления, командир вдруг вскочил и резко заявил, что не допустит никакой критики и самокритики.

По настоянию Пожарского партийное бюро вынесло решение обсудить на партийных собраниях вопрос о критике и самокритике в армейских условиях и наметило докладчиков.

Командир части немедленно поехал к начальству и доложил ему о «безобразиях, которые вытворяет Пожарский».

В результате Пожарский оказался на... кооперативной работе, вне своей части.

Многих усилий стоило ему добиться обратного перевода в часть.

Пожарский не знал еще, что командир части был врагом народа, шпионом, ставленником изменника и гнусного предателя Путна. Он не знал, что фашистский наймит Путна приказал избавиться от Пожарского, непримиримого борца с врагами народа.

Занятия на курсах не прошли даром. Впитав сокровищницу марксизма-ленинизма, еще раз изучив историю партии, глубоко изучая сочинения Ленина, Сталина, Пожарский уже не «чутьем», а на базе полученных знаний громит врагов.

ЭР03447
РВГНБ

Герой Советского Союза И. А. Пожарский

ЭР03447

Подлые фашистские наймиты и шпионы, пробравшись в политические органы Рабоче-Крестьянской Красной Армии, попытались выхолостить, свести на-нет роль первичных партийных организаций. Придерживаясь лозунга «невмешательства» в функции командира (Пожарский и его товарищи хорошо помнили, какую борьбу им пришлось выдержать в свое время за развертывание самокритики), враги народа стремились устранить коммунистов от активного участия в боевой и политической подготовке.

Именно поэтому, несмотря на все старания комиссара, в подразделениях не было ни одной крепкой низовой партийной организации, а лишь кое-где существовали совместные партийно-комсомольские группы.

Теперь было ясно, для чего это требовалось врагам.

И Пожарский с удесятеренной энергией борется за сколачивание низовых партийных организаций, за их рост, за активное участие коммунистов в боевой подготовке и во всей жизни подразделения.

Комиссар тщательно присматривается к людям, изучает их, дает им ответственные задания.

Пока Пожарский был в Москве, много новых бойцов появилось в части, каждого он хочет узнать.

Синельников — молодой красноармеец. Развитой комсомолец, скромный, серьезный парень.

Комиссар подолгу беседует с ним, рассказывает, как должен работать армейский комсомол. И, убедившись в правильности выбора, выдвигает Синельникова в секретари комсомольской организации.

Впоследствии Синельников, оставшийся на сверхсрочную службу, был выдвинут в заместители политрука.

О Пожарском много интересного мог бы рассказать и другой секретарь комсомола — младший командир Столяров. Он был избран в секретари, не имея никакого опыта. Пожарский повседневно помогал ему, не было ни

ЭР03447

одного комсомольского собрания, на котором он не присутствовал бы.

Пока комиссар был в Москве, боевая и политическая подготовка части несколько отстала от общего уровня. Не было настоящей спаянности в работе, не было подлинной борьбы за «мобилизационную готовность части», как любил говорить Пожарский.

Комиссар начал с начсостава. Созвав командиров, долго беседовал с ними. Его горячие, вдохновенные слова до сих пор остались в памяти у них.

— Нужно, товарищи, работать так, чтобы бить в одну точку, а эта точка — боевая и политическая подготовка.

Не было в части такого командира, с которым комиссар не говорил бы у себя в кабинете часами. Велика сила убеждения, сила большевистского слова, сила личной обаятельности Пожарского.

Перелом наступил.

Комиссар сам подавал пример бойцам и командирам. К его приезду подразделения части имели уже различные новые грозные боевые машины. Не ограничиваясь командирской учебой, комиссар самостоятельно изучает военное дело, просиживает до поздней ночи за книгами, разбираясь в той сложной технике, которой партия и правительство вооружили армию.

— Требовать от бойца отличного выполнения задания можно только тогда, когда сам знаешь это дело до тонкостей, — любил повторять комиссар.

— Из любого нагана можно стрелять на «отлично»,— говорил Пожарский кому-либо из горе-стрелков,— надо только уметь находить точку прицеливания, а для этого учиться надо, работать. Без ученья ничего не выйдет!

И комиссар сам работал, не покладая рук. Он часто и охотно выступал с докладами, и никто в части не может вспомнить ни одного случая, когда бы докладчик не был подготовлен. Всегда конспект, примеры из газет, из художественных произведений, цитаты из сочине-

ЭР03447

ний Ленина и Сталина, ни одного голословного утверждения.

Особенно тщательно изучает комиссар сочинения Ленина и Сталина. В простых словах Сталина, западающих в самое сердце, комиссар ищет ответы на злободневные вопросы, черпает силы для своей кипучей деятельности.

Возвращаясь под утро с постов, красноармейцы часто видели одинокий свет лампы под зеленым абажуром в квартире комиссара, а под ней склонившегося над книгой Пожарского.

— Когда он только спит? — удивлялись они.

...Утром, свеже выбритый, еще до подъема, комиссар уже здоровался с дневальным.

Пожалуй, лучше всего можно узнать о деятельности комиссара Пожарского по тем заметкам, которые он делал в своей записной книжке.

Вот некоторые из них:

«Находясь в соседстве с таким коварным врагом, как Япония, нам необходимо держать часть в повышенной боевой готовности, всегда быть готовыми к отражению врага...»

«Охватить боевой и политической учебой всех бойцов и командиров. Заниматься только в поле, в условиях, приближающихся к военным. Необходимо подумать вместе с командиром об отведении большего времени ночным занятиям...»

«Саперам нехватает трех пар белья, портянок, одеял, тюфяков, простынь — выслать...»

«Медведеву выслать сапоги или ботинки. Пять пар сапог взять у Голотнева и Мелентьева».

«Слепов седло положил на песок. Симушкин неосторожно обращается с винтовкой. Макаров недоучел ошибки кавчасти, а ведь я предупреждал...»

«Некоторые бойцы имели неряшливый вид: были расстегнуты воротнички... Подкачала связь — были перебои в работе...»

ЛВГНБ

ЭР03447

«Коварный враг — Япония — пытается забросить к нам своих шпионов-диверсантов. Бдительность должна быть усилена во стократ...»

«Нужно поближе присмотреться к В.».

(Эта запись свидетельствует о проницательности комиссара, ибо В. был вскоре разоблачен как фашистский агент.)

На инспекторском смотре осенью 1937 года часть получила по боевой и политической подготовке оценку «хорошо».

Но полученная отметка не убавила дела у командира и комиссара. Наоборот, она обязывала работать еще лучше, еще напористее, тем более, что начиналась подготовка к выборам в Верховный Совет СССР.

Пожарского единогласно выдвигают председателем участковой избирательной комиссии.

Ни на минуту не переставая заботиться о части, он деятельно готовит ее к историческим выборам.

Комиссар с увлечением руководит кружком по изучению Сталинской Конституции. Надо было присутствовать на занятиях, чтобы видеть, с каким волнением он разъяснял значение и величие основного закона страны.

— Я, товарищи, хорошо помню, как работал землекопом и лесорубом, зарабатывая по полтиннику в день, и дрожал, что завтра, сегодня, через час могу остаться без работы, окажусь в полуголодной семье лишним ртом. А сейчас право на труд гарантировано 118-й статьей Конституции. Мы не смели даже мечтать об обеденном перерыве, а сейчас граждане СССР имеют право на отдых. Я вынужден был бросить школу со 2-го класса, а теперь 121-я статья гарантирует нам право на образование. Когда я начал учиться? Только при советской власти. Это, товарищи, понимать надо.

Пожарский беседует с бойцами, разъясняя отдельные статьи Великой Конституции, выступает на собраниях, заботится о семьях командиров, чтобы и они знали основной закон своего государства.

ЭР03447

Наконец, долгожданное 12 декабря 1937 года. День великих выборов. Накануне комиссар лег в четвертом часу утра: проверял, готовы ли участки, во всех ли кабинах для голосования есть чернила, ручки, украшал ленинский уголок, помогал развешивать лозунги.

— Не забудьте поставить губки с водой для заклеивания конвертов, — говорит он дежурному...

В пять часов утра изумленный дневальный видел, как комиссар бодрый, даже слегка надушенный, уже входил в помещение.

— Ну как, товарищ дневальный, спят бойцы?—спросил он.

— Подъема не было, но уже многие встали. Такой день сегодня, товарищ комиссар... Суточному наряду разрешите первыми голосовать, а то тут уже очередь занимают!

Шесть часов.

— Граждане избиратели,— волнуясь, объявляет комиссар, выходя на середину помещения, убранного гирляндами зелени и транспарантами.— Пожалуйста, можете получать бюллетени для голосования.

Выборы прошли блестяще. Победа блока коммунистов и беспартийных подтвердила полное единство народов Советского Союза.

С таким же результатом закончились выборы в Верховный Совет РСФСР.

Незадолго до событий у озера Хасан партийная организация выделила Пожарского на партийную конференцию Посьетского района, где его избирают в состав районного комитета партии и посылают делегатом на областную партийную конференцию...

ПО ТРЕВОГЕ

О новой провокации японских фашистов 29 июля 1938 года стало известно днем и тогда же был получен приказ: подготовиться к выступлению.

ЭР03447

Комиссар сейчас же собрал политруков и напомнил, чтобы они еще раз потолковали с бойцами, проверили материальную часть, коней — все ли готово к предстоящему походу.

Пожарский был спокоен.

— Обязательно разъясните бойцам заявление товарища Литвинова японскому послу Сигемицу. На этом примере покажите им всю агрессивность политики японского империализма... Да, напомните также, чтобы получше завертывали портянки и соблюдали питьевой режим. А то вот недавно на занятиях во 2-м взводе в первый же час воду выпили, а потом весь день мучились.

Пожарский не упустил ни одной мелочи. Он проверил даже полевые сумки политруков: не забыты ли карты, очинены ли карандаши. Каждый политрук получил конкретное задание, как вести себя и что делать во время марша.

— Шуму не поднимать. Спокойно объяснить обстановку, — напутствовал своих помощников комиссар, а несколькими минутами позже он говорил уже своей жене — Ольге Ивановне:

— Раз ты остаешься здесь, собери своих подруг, помогите с бельем, займитесь починкой обмундирования, шитьем носовых платков... За меня не бойся, не волнуйся, большевик не может пропасть.

Ольга Ивановна — активистка и общественница. Как и муж, она из Ардатова. Дочь бедняка. Ее родственники и сейчас живут в ардатовском колхозе.

За годы замужества она неизмеримо выросла. И в этом — тоже заслуга комиссара, который читал ей вслух газеты, приносил книги, помогал учиться, вовлек в общественную работу.

— Ты жена комиссара. Тебе надо во всех делах показывать пример,— не раз говорил ей Пожарский.

По работе среди женщин часть, где комиссаром был

ЭР03447

Пожарский, считалась лучшей. На Ольгу Ивановну он полагался всецело.

Вдруг разнесся слух, что часть не пойдет на фронт. Уныние охватило бойцов и командиров. Однако слух оказался неверным.

В девять часов вечера мотоциклист привез долгожданный приказ: уничтожить зарвавшегося врага, укрепившегося на южных скатах высоты Заозерной.

Краткий митинг. Бойцы стоят в безмолвии. Скупы слова командира части Ласкина. Скуп на слова и комиссар. Спокойно и уверенно говорят они о мощи Красной Армии, о мирной и непреклонной политике Страны Советов.

— Много крови лучших сынов родины уже пролито за Дальний Восток. В боях у Волочаевки японцы настроили невероятные проволочные заграждения. Казалось, нет силы, которая могла бы разрушить их. А Красная Армия разрушила без ножниц, без лопат, без специальных приспособлений: рота героев-красноармейцев добровольно легла на проволоку, и по их телам прошла вся армия. Вот как эти люди любили свою родину, свой народ! Так разве можно отдать эту землю, завоеванную такой ценой, теперь?! — закончил свое выступление комиссар.

Никогда бойцы еще не видали своего комиссара таким. Каждое его слово западало в душу, запоминалось на всю жизнь. Хотелось скорее встретиться с врагом, нанести ему сокрушительный удар.

Часть выступила.

Это был нелегкий переход. Дальневосточная ночь, размытые дождями дороги, нужна строжайшая маскировка, бдительность. Кажется, что за каждым бугром, за каждым поворотом притаился коварный враг... К утру расположились на отдых. До озера Хасан оставалось километров двадцать.

— Ну как, мило́чки, повоюем? — комиссар обходит

ЭР03447

уставших бойцов, шутит, дает советы и проверяет снаряжение.— Придется повоевать, — говорит он своим ровным негромким голосом.

Комиссар собрал всех командиров, политработников и спокойно, словно на ученьях, вновь объяснил им задачу. Он, неспеша, разобрал недостатки ночного марша, отметил лучших бойцов, сговорился о выпуске походных стенгазет — «Ильичевок». Затем с командиром части Ласкиным уехал на рекогносцировку.

Вернулись быстро... Одно из подразделений с политруком Панкратовым уходит в направлении Заречья. И когда молодые бойцы вступают в бой, впервые слышат свист летящих над головами пуль и грохот орудийных разрывов, Пожарский шлет Панкратову записку: как чувствуют себя товарищи?

Ответ политрука успокаивает его.

«Бойцы держатся отлично, материальная часть в исправности, настроение хорошее»,— доносит Панкратов.

— Иначе и не может быть,— улыбается комиссар, бережно пряча в полевую сумку это сообщение.

Приближались решительные бои. Пользуясь минутным затишьем, комиссар проводит партийное собрание. Он призывает коммунистов быть в первых рядах, говорит о той ответственности, которая лежит на них.

— За каждого захромавшего коня, за каждый случай потери имущества, за каждую поломку будем взыскивать прежде всего с политработников, с коммунистов.

На этом же собрании ряд лучших товарищей был принят в партию, — идя в бой, они хотели быть коммунистами.

И, закрывая это своеобразное собрание, прерываемое иногда гулом рвущихся снарядов, Пожарский еще раз напоминает:

— В нашей части не должно быть ни одного труса, ни одного паникера! Снарядов не бояться! Малейшее проявление трусости и паникерства со стороны коммуни-

ЭР03447

стов будет расцениваться как измена партийному долгу. Это крепко запомнить надо.

Перед выступлением — отдых. Но комиссар не спит. Вот он присел на пенек и, подложив свою полевую сумку, делает какие-то пометки в записной книжке: «...Только что приняли в партию ряд товарищей... Какие все замечательные люди! Будут драться, как львы»,—записывает он.

Комиссар встал, потянулся, тряхнул головой, отгоняя сон, и медленно направился к группе о чем-то оживленно беседующих бойцов.

— ...А Алеша Попович и говорит змею: «Зашла, говорит, раз корова к отцу на погост, махнул я ее через крышу за хвост...» — слышит Пожарский приглушенный голос рассказчика и отмечает про себя: «Ну, раз сказки в ход пошли — значит обвыклись ребятки».

— Корова-то, должно быть, японская была, — здороваясь, спрашивает комиссар.

— Нет, товарищ комиссар, — отвечает молодой, с задорно торчащими светлыми волосами, красноармеец, — у японцев коров нет. Ребята рассказывали: японцы как заняли свою же деревню — даже всех собак передушили и шкуры с них посдирали...— Откуда у них коровы возьмутся?..

— Да, трудно жить японскому крестьянину, японскому рабочему — им есть нечего, — соглашается комиссар.

— Будет трудно, когда у них генералы, словно белены объелись, захотели советскую сопку захватить,— вступает в разговор красноармеец, лицо которого скрыто в темноте.

— Вы что же не спите, — спрашивает комиссар,— завтра трудный день, отдохнуть надо...

Долго еще бродит он среди спящих, дремлющих, мирно беседующих бойцов. Он не думает, что, может быть, это его последняя ночь, что завтра бой. Да и зачем думать? Этот вопрос давно уже разрешен комиссаром, и он тихонько начинает насвистывать арию из «Кармен».

ЭР03447

На рассвете часть выступила в последний переход.

...Все эти дни замполитрука Яковлев отсутствовал. Его командировали на курсы. Своих он разыскал уже в полдень, на привале, а комиссара увидал купающимся в маленьком озере.

— А, Яковлев, здорово, — приветствовал его из воды Пожарский. — Приехал! Полезай ко мне! Водичка здорово освежает...

— Только что купался, там, за поворотом.

— Ну, как знаешь,— и Пожарский, прыгая на одной ноге и стряхивая переливающиеся изумрудами капельки с мускулистого загорелого тела, начинает одеваться.— Это, брат, ты хорошо придумал, что приехал воевать. Значит вместе пойдем драться?

— Все такой же,— решает про себя Яковлев,— только чуть похудал, загорел.

— Ты знаком с обстановкой? — спрашивает Пожарский, расчесывая мокрые волосы. И, не ожидая ответа, объясняет Яковлеву:

— Захватив высоты Безымянную и Заозерную, японцы начали их укреплять. Они вырыли окопы, построили блиндажи, соорудили бетонированные пулеметные гнезда, поставили проволочные заграждения, словом, устроились, как у себя дома. Вот и получилось,— Пожарский стал чертить хворостинкой на земле, — впереди озеро, по бокам пулеметы. На их территорию командование заходить не разрешает. Серьезное положение, а?

— Да, — соглашается Яковлев. — А какая же наша конкретная задача?

— Конкретная, брат, задача — научить уважать советские границы, дать им наглядный урок, раз они другого языка не понимают, втолковать им, что мы не Чехословакия, не Китай, вот наши пушечки, вот «немножечко» самолетов, вот танки... Расшибли лоб? Теперь сидите и не брыкайтесь!

ЛВГНБ

ЭР03447

— А еще конкретнее! — смеется Яковлев.

Комиссар достал карту.

— Вот видишь горку. Это не возвышенность, а прямо пулеметный склад. Японцы натащили туда около 40 пулеметов. Мы ее так и прозвали — Пулеметная. Наша рота имеет приказ: оборонять левый фланг соединения, караулить японцев, чтобы они не могли переправиться вот через эту реку и обойти наш левый фланг, — комиссар ткнул пальцем в карту, где извивалась река Тумень-Ула. — Сегодня ночью займем указанный рубеж. Надо готовиться. Ясно?

Яковлев быстро разобрался в обстановке и уже через полчаса был в своем подразделении.

...Ночью, идеально маскируясь, соблюдая полученные указания, бойцы продвинулись километров на двенадцать и, заняв указанный рубеж, окопались.

Пожарский не спит вторую ночь. Он переползает из окопа в окоп, беседует с политруками, бойцами, следит, удобно ли они устроились на новом месте, проверяет маскировку, укрытия.

Тревожно. Враг совсем рядом. Каждую минуту может начаться столкновение. В одном из окопов комиссар видит Яковлева.

— Ну, завтра нас, наконец, пустят в бой,— говорит он как-то особенно ласково. Это был их последний разговор.

Светает. В утреннем тумане видны какие-то фигуры, доносятся дикие крики «банзай», затем пауза и где-то совсем рядом мощное красноармейское — «ура!».

Несмолкавшая всю ночь артиллерийская стрельба, к которой уже успели привыкнуть, усилилась. Слышится рокот моторов. Пронеслись стальные краснозвездные птицы. Рядом на участке идет бой.

Среди грохота взрывов у самого берега озера Хасан вдруг затрещали пулеметы, раздались беспорядочные ружейные выстрелы

РВГНБ

ЭР03447

Комиссар нетерпеливо звонит по телефону:

— Вы не забыли о нас? — кричит он в телефонную трубку, но слышит один и тот же спокойный ответ.

— Когда понадобитесь, вам скажут, а сейчас делайте свое дело — сдерживайте врага с фланга.

— Его и держать не приходится, он сюда и не лезет, — угрюмо бормочет Пожарский.

— Ну и вояки,— ругается боец, поглаживая холодный ствол пулемета, — хоть бы один двинулся на нас!

— А ты посоветуй им через реку плыть,— смеется другой.— Интересно посмотреть, как работает ихний «Освод».

... С опозданием на четырнадцать минут, комиссар это немедленно отметил, подали завтрак, затем дежурные по окопам разнесли чай. У соседей перестрелка утихла.

— Должно быть, японцы шишки считают, а ребята пока чай пьют, — смеется кто-то.

И вдруг приказ: подразделению лейтенанта Четвертных занять южный скат высоты Заозерной. Остальные подразделения начинают продвигаться вдоль берега озера Хасан. Лишь одинокие выстрелы преграждают им путь. Лощина. Пользуясь укрытием, в ней накапливаются бойцы. Часть находится во второй линии.

Короткий десятиминутный митинг на обратном скате сопки, в густом кустарнике. Последний митинг, проводимый Пожарским. . . Скалы укрывают от огня противника. Вполголоса говорят ораторы. Впереди зоркие разведчики.

— Поставленная партией и правительством задача должна быть выполнена... Выполним ли мы ее? — спрашивает комиссар.

И в ответ ему раздается приглушенное:

— Выполним!

Тут же заключаются договоры на социалистическое соревнование, имеющие всего два пункта:

ЭР03447

1) первым водрузить красный стяг на сопке Заозерной,
2) сохранить себя и технику.

Об этом незабываемом митинге комиссар записал: «Выступает товарищ Яковлев. Каждое его слово — слово всех бойцов Красной Армии. С какой ненавистью говорит о захватчиках. Дальше он говорит о заключении договора на большее уничтожение самураев. Просит меня утвердить этот договор. Смирнов заявил: «Пусть попробуют японцы наших пуль, увидят, как они невкусны... Да, покажем всю силу и мощь Красной Армии!»

Начинался штурм Пулеметной...

ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА!

— Пора бы огороды убирать... И как это я до сих пор не выбрался написать Оле. Сегодня же напишу большущее письмо. Скажу, чтобы готовилась к встрече — пусть над праздничным обедом подумают.

Пожарский ходит по протоптанной им тропинке. Четыре с половиной шага вперед — камень, три влево и обратно.

Пронзительный свист снаряда заставил комиссара непроизвольно поднять, словно под дождем, плечи.

Ух! — грохочет поблизости взрыв.

— Забирает японцев,— продолжает разговор с самим собою комиссар.— Как это поется-то в «Иване Сусанине» — Страха не страшуся!..

Неожиданно появился начальник политотдела. Поздоровались.

— Ну, товарищ начальник, — сообщает ему комиссар,— получили, наконец, и мы боевую задачу... Скажите, никто не едет в нашу часть? Если случай окажется, пусть жене передадут, что сегодня ей напишу.

... Бойцы занимают указанный рубеж. Две роты обходят японцев с левого фланга.

ЛВГНБ

ЭР03447

Усиливается трескотня пулеметов. Советский «Максим» и японский «Гочкис» словно соревнуются в своей силе. Беспрерывно со зловещим свистом летят снаряды. Происходит артиллерийская дуэль. Советские наводчики целятся метко: японские орудия смолкают одно за другим.

Как только прекратилась очередная атака японцев и наступило затишье, комиссар опять беседует с бойцами. Он указывает им, кто какие делал промахи в бою, тут же приводит примеры самоотверженности и героизма.

Слухи о подвигах пулеметчика Тараторина, о бесстрашном лейтенанте пограничного отряда Христолюбове давно распространились среди бойцов.

— У Христолюбова,— говорит комиссар,— профессор Ахутин при операции насчитал 40 ран... 40 ран, а он дрался! Это понимать надо.

От красноармейца к красноармейцу, из окопа в окоп передается рассказ о трех бесстрашных танкистах Корнееве, Пушкареве и Колесникове, которые смело ринулись вперед, уничтожая врага огнем, давя его гусеницами своей машины. Кончилось горючее. Танк, уйдя далеко вперед, остановился. Его окружили японцы. Думали взять измором. Ломились. Кричали. Грозили. Наконец, решили сжечь машину. Облили ее бензином, обложили травой, бревнами. Но команда советских людей не покинула свою боевую машину. Трое верных сынов родины били японцев, пока не сгорели на боевом посту.

— Это же герои, герои всего Советского Союза,— говорит Пожарский.— Умереть, но не сдаться...

Бесстрашные подвиги совершаются не только на земле. Из уст в уста передаются рассказы о летчиках, о том, как они уничтожали одну за другой японские батареи, как громили врага с воздуха.

...Заградительный огонь советской артиллерии не надолго прижал к земле японцев. Они также понимали,

ЭР03447

что наступили решительные часы, от которых зависит исход всей авантюры.

Короткая передышка... Не прошло и тридцати минут, как бойцы уже вновь двинулись вперед.

— За Конституцию, за товарища Сталина! — подает команду комиссар.

Бойцы выскакивают из-за укрытия, где происходил митинг, последний митинг с участием комиссара Пожарского.

«К 16.00 — высота Заозерная, южный скат захватить»,— делает на ходу последнюю свою запись Пожарский.

И хотя трудно довести в бою задачу до каждого,— этот приказ дошел до сознания, до сердца всех. С криком «ура», с именем товарища Сталина Пожарский во главе соединения выскочил из-за укрытия... Часть вошла в непосредственное соприкосновение с врагом.

Несмотря на бессонные ночи, комиссар впереди. Как всегда — ободряет товарищей, поддерживает тех, кто, по его мнению, может дрогнуть, отмечает и хвалит наиболее стойких...

Кажется, что пулеметный и артиллерийский огонь достиг наивысшего напряжения. Сотрясается от разрывов земля, невыносимо печет солнце, горит трава, стелется едкий дым.

— Да,— думает комиссар,— едва ли такой ураганный огонь был даже в империалистическую войну.— Он легко ранен.— Так, пустяки, царапнуло,— объясняет Пожарский подоспевшим товарищам.

Бойцы залегли и вдруг в едином порыве ненависти к наглым захватчикам бросились на растерявшихся японцев. Высоко подняв над головой гранату, комиссар воскликнул:

— Вперед, за Сталина, за Родину!

Бойцы подхватили клич своего комиссара. Японцы усилили огонь. Но их стрельба была уже беспорядоч-

ДВГНБ

ЭР03447

ной, растерянной — в атаке наступил перелом. Умолкали постепенно «Гочкисы». В окопах врага рвались брошенные меткой рукой гранаты.

«Махнул я ее через крышу за хвост»,— вспомнил Пожарский сказку, слышанную прошлой ночью.— Где-то сейчас этот парень? Жив ли? — мелькнула мысль.

— Вперед! — воскликнул комиссар, но неожиданно смолк и как-то виновато улыбнулся. Ожгло ногу. Пожарский присел, но через секунду уже выпрямился и метнул очередную гранату.

— Вы ранены, товарищ комиссар? — спросил его подбежавший красноармеец. — Дайте я вам помогу.

— Ничего, ничего. Бейте врага... — отвечает Пожарский и, перевязав наспех рану, прихрамывая, вновь бросается вперед.

Его глаза блестят, губы сжаты, ветер растрепал волосы.

Уже два раза рота кидалась в атаку, но не могла выбить японцев из последней укрепленной точки. Несколько «Гочкисов» продолжают еще огрызаться, осыпая пулями советскую землю.

Усталые бойцы залегли. Хочется пить. Пересохло во рту. Дышится тяжело. Болезненно ноют руки, ноги, но нельзя отдыхать, надо добивать врага.

Ров. Пользуясь этим естественным укрытием, туда сползают измученные боем красноармейцы.

Пожарский с командиром части Ласкиным пробираются вперед, чтобы ознакомиться с расположением врага. Негромко разговаривают.

Пожарский приподнялся. В это время из окопа, казавшегося брошенным, выскакивает японский офицер. Дико визжа «банзай», он замахивается гранатой.

Метким выстрелом Пожарский укладывает его на месте. Граната падает из рук офицера. Она рвется тут же в японском окопе. Взрыв служит как бы сигналом.

ДВГНБ

Из окопов, из-за камней показываются дикие, озлобленные лица японцев.

Пожарский всем своим существом, каким-то шестым чувством понял, что наступил решительный момент для удара.

— Вперед, за Сталина!— зовет он бойцов и первым бросается на японцев. Красноармейцы вскакивают и со штыками наперевес неудержимо кидаются вслед за своим комиссаром.

Началась третья и последняя атака сопки Пулеметной. Победно звучат советские «Максимы», кося японцев ураганным огнем.

С отвагой, на которую способны только советские люди, красноармейцы бросаются на врага. Идет рукопашный бой. Пулеметы приумолкают.

Дрогнул враг. Объятый паникой, бросая раненых, оружие, побежал...

Вытирая вспотевшее лицо, комиссар кричит:

— Добивай врага,— и бежит за удирающими японцами.

— Ложись, Пожарский, ложись, — напоминает ему Ласкин. Но комиссар, схватив гранату, с разбега швыряет ее вслед за японцами.

— Подальше лети,— говорит он и вдруг вздрагивает.

Бойцы видят, как комиссар странно размахивает руками, неуклюже ковыляет куда-то в сторону, секунду стоит неподвижно и медленно падает навзничь.

— Комиссара убили, гады!— сдерживая слезы, сообщает красноармеец Кодомцев Яковлеву.

Пожарского окружили бойцы. Несколько мгновений он борется со смертью. Высоко подняв голову и указывая рукой на убегавших японцев, он почти шепчет:

— Закрепить успех... За Сталина... За счастливую Родину...

Голова упала на руки товарищей. Потом, чуть приподнявшись, комиссар прошептал,

ЭР03447

— Передайте... старухе...

Глаза закрылись. Мертвенная бледность покрыла лицо. Только улыбка осталась прежней, такой знакомой и близкой всем бойцам.

Комиссара Пожарского не стало.

Ни один захватчик не ушел. Фашистская банда была уничтожена полностью, сопка Пулеметная взята.

Один из политруков воздвигнул алый стяг на месте гибели Героя Советского Союза комиссара Пожарского.

— Мы уничтожим фашистскую сволочь, товарищ комиссар! — воскликнул он.

И словно в ответ взметнулся такой же алый стяг над сопкой Заозерной!

Высоко в небе раздавался рокот советских самолетов, перекликающийся с рокотом советских танков.

...Сверкает озеро Хасан.
Наш флаг над Заозерной вьется.
И в нашем сердце, комиссар,
Твое живое сердце бьется!

Так поется в песне, сложенной о комиссаре Пожарском.

* * *

Печальное известие о гибели славного комиссара Пожарского быстро распространилось по всей стране. Не только в части, где служил Пожарский, но и во многих других частях проводились вечера и митинги, посвященные памяти героического комиссара.

— Хороший был комиссар. Действительно был душа бойцов и командиров. С любым вопросом обращались к нему, и он толково разъяснял их. Это был наш отец! — так вспоминает о своем погибшем комиссаре командир машины боец Маньзенко.

В часть, где был комиссаром Пожарский, со всех уголков Союза приходят сочувственные письма. Пишут

ДВГНБ

ЭР03447

бойцы, бывшие воспитанники комиссара, колхозники, врачи, учителя, рабочие.

«Товарищи, я прочел в газете статью «Жизнь и смерть военкома Пожарского...» У меня сжалось сердце в груди до боли... Я помню его, я вижу его лицо перед собой, суровое с немного прищуренными глазами, но доброе и чуткое... Товарищи, нехватает слов для выражения чувств... Но пусть помнят гнусные фашистские самураи, пусть помнят гады ползучие, что за жизнь товарища Пожарского и многих других наших товарищей, за каждую каплю крови наших героев они прольют реки своей гнилой самурайской крови!..

Товарищи, как хотелось бы повидаться с вами, расспросить о гибели комиссара... Обещаю вам, что, если потребуют наше правительство, партия Ленина — Сталина, я отдам каплю за каплей свою кровь за дело рабочего класса, за Страну Советов, за большевистскую партию, за вождя мирового пролетариата товарища Сталина.

Да здравствует единый фронт всего мира против войны и фашизма!

Ваш товарищ младший командир Харченко».

И таких писем — сотни.

Узнав о гибели сына, прислала бойцам и командирам 1-й Отдельной краснознаменной армии письмо и мать героя — Анна Фоминична Пожарская. Она писала:

«В боях с японскими бандитами, которые напали на нашу священную землю, погиб мой горячо любимый сын Иван Алексеевич Пожарский. Он был комиссаром. Он как настоящий большевик первым шел в бой за счастье нашего народа, за Сталина.

Мой сын погиб от вражеской пули, но японцам не удалось сломить тех, кого вел в бой комиссар. Героидальневосточники разбили японцев и прогнали их с советской земли.

ЭР03447

Хорошо дрались товарищи. С честью постояли за советскую землю. Я шлю вам горячее материнское спасибо за это. Будьте всегда такими твердыми, стойкими, как мой сын. Зорко охраняйте родину, которая воспитала и вскормила вас.

У меня есть еще два сына — Федор и Петр. Я воспитываю их такими, каким был старший сын. Пусть они подрастут,— я пошлю их на место Ивана. Вместе с тысячами бойцов-дальневосточников они не пожалеют своей жизни в борьбе за родину, честным сыном которой был мой сын Иван».

ДВГНБ

ЭР03447

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Один из двадцати шести	5
Вступление в жизнь	8
Комиссар за работой	12
У погранзнака № 8	18
Среди старых друзей	22
По тревоге	30
За Родину, за Сталина!	38

ДВГНБ

ЭР03447

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

«БИБЛИОТЕКА КРАСНОАРМЕЙЦА»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

БОРИСОВ. Молодые патриоты . . . . . 20 к.
ГЛЯЗЕР. Суворов . . . . . 30 к.
ГЕРОИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ . . . . . 40 к.
ДУБАСОВ. Трипольская трагедия . . . . . 35 к.
ИВАНОВ. Бронепоезд 14-69 . . . . . 35 к.
КУПРИН. Поединок . . . . . 25 к.
КУПРИН. Штабс-капитан Рыбников . . . . . 20 к.
КУПРИН. Ночная смена . . . . . 15 к.
ЛОЖЕНИЦЫН. Как беречь военную тайну . . . . . 20 к.
МУГУЕВ. Комсомолец Тан-Чи . . . . . 30 к.
МАЯКОВСКИЙ. Оборонные стихи . . . . . 35 к.
ПОДОРОЖНЫЙ. Ледовое побоище . . . . . 20 к.
ЭКСЛЕР. Герои Хасана . . . . . 20 к.
БОРИСОВ. Лазо . . . . . 20 к.
ШАПИРОВСКИЙ. Джузеппе Гарибальди . . . . . 30 к.
БОРГЕНС. Чапаев . . . . . 20 к.
ФУРМАНОВ. На Колчака . . . . . 25 к.
БЕРКОВИЧ. Киров на Астраханском фронте . . . . . 15 к.
ФЕЛЬДМАН. Броненосец Потемкин . . . . . 30 к.
ЧЕХОВ. Унтер Пришибеев . . . . . 15 к.

НАХОДЯТСЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ И ВЫЙДУТ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ:

ТОЛСТОЙ А. Хлеб
ТОЛСТОЙ Л. Бородинский бой
БРОНТМАН. Коккинаки
АНАНЬЕВ. Пархоменко
Дума про Остапа Нечая
ЛЕОНИДОВ. Первая Конная
ЛЕОНИДОВ. По тылам генерала Краснова
ПАВЛЕНКО и ТЕСС. Разгром Колчака
ЦЕЙТЛИН. Кто и как управляет Японией
КИШ и БРЕДЕЛЬ. Рассказы об Испании
СИРЧЕНКО. Танкиста Заозерной
ГЕРАСИМОВ и ЭРЛИХ. Щорс
ЛЕВИН. На Врангеля
ГАРШИН. Денщик и офицер

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА: Москва, 78, Орликов пер., 3, Воениздат

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: КОГИЗ Главная контора „Воен-книга“, Москва, Маросейка, 7

ЭР03447

Редактор Боргенс

Технический редактор Стрельникова

Корректоры Лапина и Плотникова

Сдано в производство 27.12.38.
Подписано к печати 11.2.39.

Формат бумаги 70×108/32.
Объем 1,5 печ. л. 1,9 авт. л.

Уполн. Главлита № Г—617
Издательский № 716. Заказ № 905

Набрано
в 1-й типографии Воениздата НКО СССР
Москва, ул. Сквордова-Степанова, д. 3.

Отпечатано
в тип. „Дер Эмес", треста „Полиграфкнига",
Москва, Покровка, 9. Заказ 267.

ДВГНБ

ДВ КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ЭР03447

ДВГНБ

ЭР03447

Цена 20 коп.

ЕБЧ'7

ДВГНБ

ЭР03447